

**ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ**

ПЕЧЕНЕГИ, ТОРКИ И ПОЛОВЦЫ

**Степи до появления
печенегов**

**Племенное родство
и происхождение
кочевников**

Русь и кочевники

**Судьбы окраинного
населения**

П.В. ГОЛУБОВСКИЙ

Тайны Земли Русской

Петр Голубовский

Печенеги, торки и половцы

«ВЕЧЕ»

1884

Голубовский П. В.

Печенеги, торки и половцы / П. В. Голубовский — «ВЕЧЕ»,
1884 — (Тайны Земли Русской)

В конце X – в середине XI века в пределы Древней Руси вторглись племена кочевников – печенегов, торков и половцев. Они изменили ход исторической жизни Руси и всего восточного славянства и оказали значительное влияние на их дальнейшие судьбы. В течение нескольких веков Русь не только воевала со степняками, но и основывала с ними военно-политические союзы. В своей книге (оригинальное название 1884 г. «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII веков») известный русский историк Петр Васильевич Голубовский рассказывает насколько и как повлияло соседство кочевников на политическую жизнь Древней Руси, каковы были отношения между тюрками и славянами. Основываясь на важных русских, византийских и арабских источниках, ученый также рассказывает о взаимном племенном родстве и племенном происхождении печенегов, торков и половцев. Книга издается с небольшими сокращениями, с сохранением особенностей орфографии и пунктуации конца XIX века.

Содержание

Предисловие	6
Степи до появления печенегов	8
Конец ознакомительного фрагмента.	29

П. В. Голубовский

Печенеги, торки и половцы

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

В настоящее время вполне сознается необходимость разработки русской истории по областям, что доказывается существованием у нас таких ценных сочинений, как: «История Рязанского княжества» Иловайского, «Меря и Ростовское княжество» Корсакова и др. Мало этого. Есть работы, посвященные исследованию частных случаев из исторической жизни той или иной области, отдельных эпох. Такова, например, блестящая монография Н. П. Дашкевича – «Даниил Галицкий». Вероятно, скоро выйдет в свет и труд господина Бозускула – «Мстислав Удалой».

Южнорусские степи также составляют область земли Русской как географически, так и исторически. Главнейшие реки восточноевропейской низменности, Днепр, Дон и Волга, неразрывно соединяют их с остальными областями восточных славян. Славяне, явившись в Европу с востока, несомненно, двигались по нашим степям и, расселяясь далее на север, конечно, пользовались этими естественными путями для своей колонизации. Некоторые племена осели и на побережье Черного и Азовского морей. Вначале они также принимали участие в исторической жизни Русской земли. Однако надо сказать, что отношения их к остальной Руси, судя по отрывочным дошедшим до нас данным, отличались особенным характером. Вскоре Русь перестает их считать *своими*, перестает интересоваться их жизнью. Но, понятно, это не значит, что эти славянские поселения исчезли. Они жили, и судьба их должна занимать нас не менее, чем ход исторической жизни в других областях земли Русской. Как своеобразны были отношения этих племен к остальной Руси, так особенна и своеобразна была их историческая судьба.

На ход их исторической жизни оказали огромное влияние новые пришельцы в южнорусские степи – тюрки. Их появление должно было изменить отношения между южными и центральными племенами восточных славян; тюрки должны были занять известное положение по отношению тех и других и этим видоизменить ход исторической жизни всего восточного славянства, оказать тем самым значительное влияние на его дальнейшую судьбу. Насколько и как повлияло соседство кочевников на жизнь политическую Древней Руси, каковы были отношения между тюрками и славянами, – проследить это и заставляет цель нашей работы. Мы не могли обойти при этом и вопроса о взаимном племенном родстве и племенном происхождении печенегов, торков и половцев. Это сделать было необходимо и потому еще, что до сих пор в науке существуют некоторые спорные вопросы. Таков вопрос об узах и торках, с которым связан другой – об узах и кипчаках.

В своем труде мы обращаем главное внимание на источники первой руки, стараемся собрать свидетельства русские, византийские и арабские, пересмотреть и на основании только этих источников сделать свои выводы. Мы не излагаем всех теорий, существующих по тому или другому вопросу и не разбираем их, считая это совершенно излишним балластом: *раз мы строим свои выводы на основании источников первой руки, то этим самым возражаем против тех мнений, с которыми мы не согласны*. Мы не пишем истории разработки вопроса, а исследуем самый вопрос. Совершенно иное дело – насколько верны наши собственные выводы. Это решать не нам. Мы желаем, чтобы нам были указаны наши ошибки *на основании источников первой руки*. Ими же, и только ими одними мы будем и защищать свои положения.

Интересна судьба кочевников после их выселения из южнорусских степей в пределы Венгрии и Византии. Может быть, спустя некоторое время мы займемся и этим вопросом на основании собранных данных, но в издаваемой нами работе мы имели в виду рассмотреть только лишь значение соседства кочевых масс с Русью и влияние его на ход ее истории.

Приношу искреннюю благодарность моим учителям Владимиру Бонифатьевичу Антоновичу и Владимиру Степановичу Иконникову, содействовавшим ходу моей работы своими советами и научными пособиями.

П. Голубовский

Степи до появления печенегов

В давние, отдаленные от нас целыми столетиями, времена южная часть восточноевропейской низменности была театром постоянных, продолжительных столкновений оседлого населения с кочевыми племенами, сменявшими друг друга. Северная часть этой великой восточной низменности имеет отличительным свойством лесной характер своей поверхности, между тем как в южной преобладают степи. Но и тут резкую грань проводят возвышенности, входящие в состав так называемой урало-карпатской холмистой гряды. К северу от нее мы также встречаем степные пространства, но рядом с ними идут и возвышенности, есть местности с лесным характером. Эта раздельная холмистая линия, начинаясь от Урала, переходит Волгу, достигает значительной высоты между реками Доном и Медведицей, еще сильнее развивается между Доном и Донцом и в области рек Самары, Крынки и Миуса, образует пороги на реках Калмиусе, Днепре, Ингуле, Буге, Днестре и сливается затем с отрогами Карпатских гор. К югу от этой черты и является степь в полном смысле, во всей своей силе. К востоку от Дона так называемая Задонская сторона составляет продолжение Арало-каспийской низменности. Здесь однообразная безводная степь, с солонцеватой и малоплодородной почвой; реки здешние маловодны, с медленным и слабым течением. К западу картина несколько изменяется. Тут уже степь представляет плодоносную, тучную пажить, перерезанную оврагами и глубокими долинами рек и речек. По этим оврагам сосредоточивается древесная растительность края; возвышенные же пространства заняты полями и пастбищами. Эти овраги, называемые балками, оживляют некоторым образом степь, на которой нет других выпуклостей, кроме одиноко разбросанных курганов, и нет другой растительности, кроме дикой травы, заглушаемой седым щетинистым ковылем или неуклюжим колючим бурьяном.

С приближением к морю степи реже пересекаются балками, леса исчезают, равнины раздвигаются. Наконец, подходя к самому морю, сухая степь почти совершенно обнажается от растительного покрова и изрезывается широкими и длинными лиманами, с ярко синими водами в глубоких обрывистых берегах. Самый берег моря большей частью песчаный и врезывается в морские воды песчаными же косами¹. «В области Добруджи нет ни лесов, ни кустарников; плоские возвышенности покрыты высокой пожелтевшей от действия солнца травой; в безводных долинах этих степей только колодцы доставляют жителям воду»².

Но повсеместно ли степь сохраняет тот же суровый вид, и всегда ли она имела такой характер? Этот вопрос приводит нас к различным теориям о существовании лесов в южной полосе восточноевропейской низменности. Теорий этих было весьма много, и приводить их заняло бы много времени³. Едва ли можно согласиться, что все пространство к югу от теперешних городов Тамбова, Рязани, Глухова, Сосницы, Козельца, Василькова, Бердичева и Кременца было и есть безлесно⁴. Несомненно, были причины, способствовавшие исчезновению лесов в области Южной России. Между ними главнейшими нельзя не признать постоянное движение кочевых масс и способ обработки земли в Древней Руси.

¹ Списки населенных мест губерний: Екатеринославской: стр. VII; Херсонской – стр. IV–V; Земли Войска Донского – стр. VI.

² Брун. Черноморье, ч. I, стр. 34.

³ См. Семенова. Отечествоведение, т. VII, глава II, стр. 11–18. Майкова. Рецензия на книгу Барсова «Очерки рус. историч. географии», помещенная в Ж.М.Н.П. 1874 г. № 8, стр. 259 и д. Известия о занятиях IV Археологич. Съезда в Казани. – Реферат господина Майкова.

⁴ К югу от этой черты простираются черноземные пространства. Основываясь на теории Рупрехта, господин Майков отрицает возможность произрастания лесов на черноземной почве и потому делает вывод, что в Южной России их никогда не было (Ж.М.Н.П. 1874 г. № 8).

Земледелие на юге ведет свое начало с незапамятных времен. Еще Геродот рассказывает, что где-то в области реки Днепра жили скифы-пахари. Скифское предание о золотом плуге⁵, упавшем с неба, показывает, что это земледельческое население относилось к началу обработки земли к глубокой древности. Еще в IV в. до Р. Х. шла обширная торговля хлебом, вывозимым из Боспорского царства⁶. Города, существовавшие в Тавриде и на азийском берегу Боспора, были по преимуществу торговые, не могли произвести количества хлеба, необходимого для обширного отпуска, следовательно, продукты земледелия доставлялись оседлыми окрестными народами. Мы не можем, конечно, сказать, какой способ обработки земли существовал в данное время, но едва ли он был более совершенным, чем у нас в Древней Руси. «Поднимать целину, чертить, подсушивать и выжигать леса было в обычае на Руси даже в XIV и XV вв.; в IX же, X, XI и XII столетиях, по всему вероятно, этот обычай был еще сильнее». Новые земли, расчищенные для пашни, назывались в XIV в. притеребами⁷. Но это название должно было быть и раньше, ибо слово «терebить» в смысле расчищать дорогу в лесу употреблялось и в начале XI в. «Требите путь и мостите мост», – говорит в 1014 г. Владимир, собираясь идти на Ярослава⁸. Сколько же должны были потерпеть леса от такого способа земледелия, когда мы застаем его на юге до Р. Х. Не менее чем земледелие истреблению лесов способствовали и постоянные передвижения кочевых народов. Начало и этого факта нам приходится отнести к глубокой древности. Еще во времена Геродота мы застаем в наших степях кочевников – скифов; затем на виду истории проходят гунны, авары, венгры, печенеги, торки, половцы; в заключение явились татары. Каждое из этих племен оставляло след в убыли лесов. Вот, например, как рисует нам следствия татарского нашествия арабский писатель XIV в., Ибн-Яхия. «Эта страна (половцев), говорит он, до вторжения татар была обработана превосходно, и теперь еще она показывает остатки своего первоначального плодородия. Там можно видеть деревья, приносящие различные плоды... Деревья, существующие теперь, представляют только остатки насаждений, сделанных древними обитателями, которые специально занимались земледелием. Несмотря на то что деревьев уничтожено огромное количество, их остается еще много на горах и вдали от городов»⁹.

Можно и в настоящее время указать на большие пространства лесов в Подонье, в Поднепровье и др. местах Южной Руси. Имеются данные, доказывающие их существование и в более отдаленное время.

Византиец Кедрен говорит, что печенеги остались между Балканами, Дунаем и морем – в равнине, богатой лесом всякого рода и пастбищами¹⁰. Это известие относится к XI в., но еще в IV в. погнанные гуннами готы явились к Дунаю, рубили лес, строили однодеревки¹¹. Таким образом, ныне пустынная Добруджа не была когда-то так безлесна. Двигаясь на восток, мы вступаем в области рек Прута, Днестра, Буга и Днепра. Леса между первыми двумя реками сосредоточены главным образом к северу.

⁵ Чтения Импер. Общ. Ист. и Др. Рос. 1861 г. кн. IV. Шеппинг. Опыт первоначальной истории земледелия.

⁶ Григорьев. Россия и Азия. СПб. 1876 г. Стр. 332–333.

⁷ Временник Импер. Общ. Ист. и Древ. Москва. 1855 г. к. 22. Беляев. Несколько слов о земледелии в древ. России. Стр. 44–45.

⁸ Лавр. лет. Стр. 127.

⁹ «Cette contrée, avant l'invasion des Tartares, était parfaitement cultivée, et elle offre encore aujourd'hui des restes de sa fertilité primitive. On y voit des arbres qui portent différentes espèces de fruits... Ces arbres qui subsistent aujourd'hui sont les débris des plantations faites par les anciens habitants, qui s'occupaient de l'agriculture d'une manière spéciale. Malgré le nombre immense qui a été détruit, il en reste encore beaucoup dans les montagnes et loin des villes». Notices et extraits des manuscrits, v. XII. Notice de l'ouvrage qui a pour titre: «Mesalek Alabsar fi Memalek Alamsar» = Voyages des yeux dans les royaumes des différentes contrées. Ed. par. M. Quatremère, p. 268–269.

¹⁰ Stritter. Memoriae Populorum, v. III, p. 823.

¹¹ Ж. М. Н. П. 1878 г. № 1. Васильевский. Русско-Византийские отрывки.

Здесь местность представляет истинное царство лесов. На юге они доходят до Кишинева, где сливаются с Днестровскими рощами, а с другой – с прибрежными Прутскими лесами, доходя до Кагула¹². Точно так же рассказы старожилов теперешней Херсонской губернии свидетельствуют, что в старину, даже очень недавнюю, и леса губернии были гораздо обширнее, и реки многоводнее. Река Ингулец выходит из так называемого Черного леса, и в прошлом столетии считавшегося «великой важности для Херсона и вообще для торгового по реке Днепру и Черному морю ради дубовых лесов на вершине его стоящих»¹³. Можно привести для этой местности о лесах несколько известий, восходящих к более отдаленному времени. В конце XII в. мы застаем большие леса по берегам реки Тясмина, впадающего в Днепр. Тут производилась княжеская охота и водилось множество зверей¹⁴. Спускаясь ниже по течению Днепра, встречаем остатки лесов почти у самого устья этой реки. Ныне еще на луговой ее стороне лески начинаются гораздо ниже Алешек. Назад тому лет полтораста там, без сомнения, было более деревьев, нежели теперь, почему и турки могли сказать, что запорожцы, которые после сражения при Полтаве искали убежища в Алешках, скрылись «в лесе братьев»¹⁵. Где-то в этой же местности помещалась Гилея греческих писателей. Все они говорили об обилии в ней лесов, а один из них, греческий оратор Дион, посетил лично Гилею и сравнивает ее деревья с корабельными мачтами¹⁶. Таким образом, в глубокой древности мы находим в низовьях нашего Днепра могучие леса, от которых сохранились только небольшие остатки.

Переходим на восточную сторону этой реки. Самая южная местность, о которой мы имеем известие, это Перекопский перешеек. Константин Багрянородный рассказывает, что некогда тут был канал, соединявший Азовское море с Черным, но потом засорившийся и поросший густым лесом, в котором было всего только две дороги. К северу отсюда в прошлом столетии густые купы деревьев встречались еще по берегам рек Волчьих вод, Кальмиуса и Миуса¹⁷. На восток от них леса существовали на Дону, о чем нам сообщает венецианский путешественник Иосафат Барбаро, проживший в городе Тане, находившемся недалеко от устья этой реки, шестнадцать лет. Из его известий видно, что в трех милях от города был лес, где скрывались разбойники¹⁸. Таковы наши сведения о лесных пространствах к югу от проведенной нами холмистой раздельной линии, направляющейся, как мы сказали, через реки Дон, Кальмиус, Днепр.

Гораздо более можно сказать о лесах в местностях к северу от этой границы. В области между реками Доном и Днепром до самой реки Самары, впадающей в Днепр с левой стороны, мы видим и теперь большие лесные пространства, но для веков прошедших есть данные, благодаря которым можно смело заключить, что в данном районе были сплошные дремучие леса. Обращаясь к области бывшего Переяславского княжества, мы находим, что и теперь еще берега почти всех его рек покрыты древесною растительностью. Берега Сулы в прежние времена были покрыты дремучими лесами, да и теперь еще тут остались рощи, преимущественно дубовые. Левый берег притока этой реки, Удая, в настоящее время покрыт лесами до города Прилук, а к югу от него растут порядочные дубовые рощи. Еще более лесным характером отличались

¹² Списки населенных мест. Бессарабская Область. Сиб. 1861 г. Стр. XI.

¹³ Ibidem. Херсонская губерния. СПб. 1868 г. Стр. XVIII и XIX. Не здесь ли находился Черный лес, упоминаемый в описании реки Днепра, приложенном к сочинению «О казаках запорожских» (Чтения Имп. Общ. Ист. и Др. Российских. 1847 г. № 6, стр. 35). Точно так же Черный лес помещается на правой стороне Днепра на карте, составленной по чертежу царевича Феодора Борисовича. Эта карта приложена ко II тому Сказаний современников о Дмитрие Самозванце. СПб. 1859 г.

¹⁴ «...и поидоша на ловы по Днепру в лодьях, и на устье Тесмени, и ту ловы деяша и обловишася множеством зверей...» Ипат. лет. под 1190 г. Стр. 449.

¹⁵ Брун. Черноморье. Одесса. 1880 г. Ч. II, стр. 11 и 13.

¹⁶ Ibidem. Стр. 10–11.

¹⁷ Брун. Черноморье. Ч. II, стр. 80.

¹⁸ Библиотека иностранных писателей о России. СПб. 1836 г. Изданием Каллистратова, трудами Семенова. Отд. I, т. I, стр. 29. Ср. Майков. Ж.М.Н.П. 1874 г. к 8, стр. 275.

берега Перевода. В первой половине текущего столетия близ Поддубновки был лес столетних дубов. Правый берег Псла занят лесами разных пород и преимущественно дубом. Северное течение Хоролы также отличается обилием лесной растительности. На Ворскле замечательны леса дубовые, которые нечаянно спаслись от повсеместного истребления; их осталось немного; в Диканьке есть, однако же, дубы, которые имеют сажень в диаметре. Они пережили века и свидетельствуют о лесном богатстве, которым некогда этот край изобилдовал. От непроходимых дремучих лесов Супоя почти ничего не осталось. Эти дремучие леса были в древнее время и по берегам Трубежа; в них водились дикие козы, кабаны, лоси, олени, медведи. Корань, Трубеж и Цыбля вместе с Днепром образуют обширные острова, окруженные непроходимыми болотами, топями, зарослями и лесами¹⁹.

Какой была эта местность веков шесть тому назад? Можно смело сказать, что территория Переяславского княжества была далеко не так безлесна, как область нынешней Полтавской губернии. Нам остается сделать обзор местности самой интересной в истории Руси до нашего времени монголов. Она занимает область левых притоков Ворсклы, верхнего течения последней, рек Сулы и Псла с одной стороны, область Дона и его притоков с другой. Южной границей ее можно считать реку Самару. Начнем обзор с северо-западной ее части. Здесь в первой половине XVII в. были леса по рекам Суле и Терну, носившие название Кореневского, Козельского и Гриневского; по рекам Бетице, Любани, Гнилице (большой черный Гнилицкий лес), между вершинами Сулы и Ильмов; в селе Могрице сохранилось предание о некогда бывших тут дремучих лесах²⁰. Они были также и по течению Псла. Горы и нынешние луга по берегу этой реки некогда были покрыты самыми дремучими лесами²¹. В стародавнее время на реках Белке и Боромле, впадающей в Ворсклу, были такие же леса. Мы видим их ниже по Ворскле и теперь, как, например, около Журавного, и в XVII столетии. Так в 1638 г. ляхи застали врасплох казаков Котельвы, которые были рассеяны и спаслись в ее лесах. По соседству отсюда был лес Крупицкий²². Идя к югу, можно и теперь еще видеть лесные пространства по реке Мерлу. На среднем течении его в настоящее время есть леса около Краснокутска, а из одной грамоты прошлого столетия мы видим их существование и на его верховьях²³. На нижнем течении его леса соединялись в отдаленное от нас время с лесами Котельвы. Есть до сих пор густой лес на водоразделе рек Коломака и Межа²⁴. Этим приходится закончить обзор лесных пространств в области притоков Днепра.

Переходя к бассейну Дона, мы находим описание его берегов до устья реки Воронежа в известном путешествии Пимена XIV века. «В неделю же св. Мироносиц поплыхом рекою Доном на низ, — читаем там. — Бысть же сие путное шествие печально и уныливо, бяше бо

¹⁹ Списки населенных мест. Полтавская губерния. СПб. 1862 г. Стр. IX–XV. Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. 1856 г. к. XI. Н. Маркевич. Реки Полтавской Губернии. Стр. 353, 364, 375–376, 387, 400, 409, 425, 429, 430.

²⁰ В грамоте 1649 г. Недригайловскому попу соборному: «...и лес хоромный и дровяной по реке по Суле и по Терну и по яругам и в Кореневском, и в Козельском и в Гриневском лесах». (Историко-Статист. Описание Харьковской епархии. Москва, 1852 г. Ч. III, стр. 557). Межевая опись 1657 г. (Ibidem, стр. 335–338 и стр. 391).

²¹ В грамоте 1649 г. Недригайловскому попу соборному: «...и лес хоромный и дровяной по реке по Суле и по Терну и по яругам и в Кореневском, и в Козельском и в Гриневском лесах». (Историко-Статист. Описание Харьковской епархии. Москва, 1852 г. Ч. III, стр. 336–367 и ч. I, 163 и 170).

²² В грамоте 1649 г. Недригайловскому попу соборному: «...и лес хоромный и дровяной по реке по Суле и по Терну и по яругам и в Кореневском, и в Козельском и в Гриневском лесах». (Историко-Статист. Описание Харьковской епархии. Москва, 1852 г. Ч. III, стр. 118, 107 и 94).

²³ В грамоте 1649 г. Недригайловскому попу соборному: «...и лес хоромный и дровяной по реке по Суле и по Терну и по яругам и в Кореневском, и в Козельском и в Гриневском лесах». (Историко-Статист. Описание Харьковской епархии. Москва, 1852 г. Ч. III, стр. 231 и ч. I, стр. 207; Царская грамота Лавре 1703 г.: «Покровский (Сенянский) монастырь с принадлежащими к тому монастырю землями и лесами, и мельницами и рыбными ловлями и со всеми угодья приписать к той Киево-Печерской Лавре...»

²⁴ В грамоте 1649 г. Недригайловскому попу соборному: «...и лес хоромный и дровяной по реке по Суле и по Терну и по яругам и в Кореневском, и в Козельском и в Гриневском лесах». (Историко-Статист. Описание Харьковской епархии. Москва, 1852 г. Ч. II, стр. 278).

пустыня зело всюду... нигде бо видети человека, точию пустыни велия и зверие множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, бобры; птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая, и бяше вся пустыни великия»²⁵. Правда, здесь о лесах и помину нет, но всякий согласится, что перечисленные тут породы зверей могли водиться только в лесных местностях. Тут же Воскресенская летопись указывает существование в конце XIII в. Воронежских лесов, куда спасался от татарского преследования Липовецкий князь Святослав в 1283 г.²⁶ От них в настоящее время остались более или менее частые перелески по правым берегам Дона и Воронежа²⁷. На той же стороне мы находим лесные места и по реке Битюгу²⁸. К востоку простирается область теперешней Саратовской губернии. Северная половина ее довольно богата лесом и теперь. Есть леса и по берегам рек Медведицы и Хопра. По Иловле встречаются еще перелески, но местность по большей части представляет открытую равнину. Однако же и к югу от Саратова встречающиеся в некоторых местах остатки пней огромного размера свидетельствуют, что когда-то и здесь существовали леса и что обнаженность гор произошла от истребления леса, необходимым последствием чего было выветривание и размытие плодородного слоя почвы²⁹. Берега нижнего течения рек Хопра и Медведицы покрыты лесом³⁰. Переходя в область правых притоков Дона, мы замечаем, что в нынешней Курской губернии и теперь еще изредка попадаются звери, свойственные лесным местностям, но в старину их было гораздо больше³¹. Действительно, в конце XVI и начале XVII в. был так называемый Пузацкий лес у верховьев Донца и Оскола³². Между последним и речкой Потудонью в то же время был лес Погорельский, а у верховьев рек Дубны, Корочи и Корени – лес Юшковы Бояраки³³. В настоящее время лесом покрыт правый, высокий берег Оскола³⁴. По верхнему течению Донца в XVI – XVII вв. росли леса: Розумный, Болховы Бояраки и Долгий Боярак³⁵. Мы видим, таким образом, в юго-восточном углу Курской губернии сплошные лесные пространства два столетия тому назад. В конце XVII столетия был дубовый лес около нынешнего Салтова на Донце³⁶. Местность около Чугуева была покрыта по обеим сторонам Донца дремучими лесами. На левом берегу был мачтовый бор. Здесь водились дикие звери: медведи, волки, лисицы, куницы, барсуки, сурки, дикие козы и сайгаки; из птиц, кроме нынешних, лебеди, гагары³⁷. По рассказам старожилов, таким же характером отличались берега Донца около нынешней деревни Шелудовки³⁸. Леса Змиевские отличались непроходимостью. В конце XVIII столетия здесь были «дубовые деревья клейменные для корабельного строения»; водилась тут масса зверей и в том числе белки и горностаи,

²⁵ Записки Императорского Русского Географического Общества. СПб. 1852 г. к. VI, стр. 60. Беляев. О географических сведениях в Древней Руси.

²⁶ Воскресенская летопись. Ч. I, стр. 177.

²⁷ Списки населенных мест. Воронежская губерния. СПб. 1865 г. Стр. VIII.

²⁸ Списки населенных мест. Воронежская губерния. СПб. 1865 г. стр. IX.

²⁹ Списки населенных мест. Саратовская губерния. СПб. 1862 г. Стр. VI, IX, XVIII.

³⁰ Земля Донского Войска. СПб. 1864 г. Стр. IX.

³¹ Курская губерния. СПб. 1868 г. Стр. IX.

³² Книга, глаголемая Большой Чертеж. Москва («Книга Большому Чертежу». – *Примеч. ред.*). 1846 г. Стр. 87: «А река Семь вытекла из Пузацкого лесу, из-под Муравской дороги, от верху реки Оскола и от верху Оскольца; а промеж их верховьев через Пузацкий лес лежит дорога из Крыму в Русь, Муравской шлях мимо Ливны». Стр. 11 и 34.

³³ Книга, глаголемая Большой Чертеж. Москва («Книга Большому Чертежу». – *Примеч. ред.*). 1846 г. Стр. 87: «А река Семь вытекла из Пузацкого лесу, из-под Муравской дороги, от верху реки Оскола и от верху Оскольца; а промеж их верховьев через Пузацкий лес лежит дорога из Крыму в Русь, Муравской шлях мимо Ливны». Стр. 24, 12, 22, 29, 34, 87.

³⁴ Курская губерния. Стр. VII.

³⁵ Книга, глаголемая Большой Чертеж. Стр. 28–29 и 14.

³⁶ Из описания Салтова 1674 г.: «город Салтов построен на Салтовском городище, обставлен дубовым лесом». (Ист. – статистич. Описание Харьков. епархии, ч. IV, стр. 283).

³⁷ Из описания Салтова 1674 г.: «город Салтов построен на Салтовском городище, обставлен дубовым лесом». (Ист. – статистич. Описание Харьков. епархии, ч. IV, стр. 1–2 и ч. I, стр. 228).

³⁸ Из описания Салтова 1674 г.: «город Салтов построен на Салтовском городище, обставлен дубовым лесом». (Ист. – статистич. Описание Харьков. епархии, ч. IV, стр. 153).

не говоря уже о разных породах птиц. Около Изюма в старые времена рос дремучий бор. Леса теперь истреблены и открылись сыпучие пески, переносимые, подобно волнам, с одного места на другое³⁹.

Леса вокруг Святогорского монастыря. Современный вид

Еще южнее мы находим остатки лесов около нынешнего Святогорского монастыря. Тут по правому берегу Донца идут высокие горы, покрытые вековыми дубами, изредка соснами, или кленовыми, или ясеневыми деревьями. Из грамоты конца XVII в. видно, что монастырю принадлежали и большие лесные угодья⁴⁰. В прежнее время по рекам Белой и Айдаре были леса и камыши, и, по известию Гюльденштедта, густым лесом была окружена вершина Кремянной, впадающей в Красную⁴¹.

Проедемся теперь по реке Удам. Прежде всего, на правом ее берегу мы находим в половине XVII столетия леса между реками Песочином, Ольшаной и Репками⁴². Глухой лес стоял от самого Харькова до реки Березовой, а вековые дубы на холмах Хорошева монастыря свидетельствуют, что некогда и здесь местность имела такой же характер⁴³. Переберемся к реке

³⁹ Из описания Салтова 1674 г.: «город Салтов построен на Салтовском городище, обставлен дубовым лесом». (Ист. — статистич. Описание Харьков. епархии. ч. IV, стр. 193–194 и ч. I стр. 197: Змиевскому Николаевскому монастырю принадлежала слободка Гомолыша, на реке того же имени, имевшая строевого и дровяного леса до 5,987 десятин, в отрубе от 10 до 11 вершков, а вышины от 8 до 10 сажень. Ч. V, стр. 104.

⁴⁰ Из описания Салтова 1674 г.: «город Салтов построен на Салтовском городище, обставлен дубовым лесом». (Ист. — статистич. Описание Харьков. епархии. ч. I, стр. 108 и 138.

⁴¹ Из описания Салтова 1674 г.: «город Салтов построен на Салтовском городище, обставлен дубовым лесом». (Ист. — статистич. Описание Харьков. епархии. ч. V, стр. 299, 323, 327.

⁴² Из описания Салтова 1674 г.: «город Салтов построен на Салтовском городище, обставлен дубовым лесом». (Ист. — статистич. Описание Харьков. епархии. ч. II, стр. 111–112, примеч. 1.

⁴³ Из описания Салтова 1674 г.: «город Салтов построен на Салтовском городище, обставлен дубовым лесом». (Ист. — статистич. Описание Харьков. епархии. ч. I, стр. 53 и 81.

Можа и начнем осмотр ее берегов с нижнего течения. На устье ее в Донец мы видели уже леса Змиевские. Подымаясь вверх, мы попадаем у реки Озерянки в местность еще и теперь непроходимую от топей, озер и леса⁴⁴. Далее мы встречаем около села Ординки городище, по валам которого выросли дубы; иные из них уже срублены, и на них свободно может лежать человек высокого роста, не занимая всей длины поперечника⁴⁵. Сколько столетий должны были расти эти дубы, чтобы достигнуть до такой величины объема? На левом берегу Можа, у верховьев его притока, Адалаги, был в XVII в. лес Иловские Бояраки⁴⁶. Леса в бассейне Можа соединялись с лесами, бывшими по Коломаку. Мы уже видели существование леса в настоящее время около села Ковега, на водоразделе этих двух рек. «Книга Большого Чертежа» указывает, что тут были непроходимые леса и болота⁴⁷. Лесные пространства здесь не останавливались: они шли дальше в область рек Орел и Самары. Еще и теперь по берегам первой из них растут леса и кустарники⁴⁸.

В XVII в. у верховьев Орели был лес, называвшийся Кошь Боярак⁴⁹. Берега Самары в древнее время были весьма лесисты. Боплан говорит о богатстве лесов по этой реке в XVII в., каким не отличалась ни одна из других виденных им рек⁵⁰. Подтверждение этому мы находим в статейном списке посла в Крым в 1681 г., Василия Тяпкина. Сказавши, что леса кончаются только на реке Самаре, он далее продолжает: «...да не токмо на тех Овечьих водах, но и на всех помянутых вершинах Конских и Самарских и Орельских вод можно города земляные, крепкие поделать... для того, что около тех рек, и на степях, *дубровы великия, и леса* и терни и тальники и камыши, и *зверь в лесах*, и рыбы в водах, и кормов конских всюды множество, и пашни можно завести великия»⁵¹. Это описание особенно важно, потому что оно ясно указывает на существование дубрав и лесов в самих степях. Где степь, там чернозем; где чернозем, там не могут быть леса. Таково мнение некоторых ученых. Но уже это сообщение нашего посла опровергает эту теорию. Приблизительно между верховьями Самары и Осколом летопись помещает Черный лес во второй половине XII в.⁵² Вот все данные, какие только мы были в силах собрать о распространении лесов в южной части Российской низменности⁵³.

Приведем в заключение нашего обозрения слова ученого агронома, Баумана. «Многие ученые, — говорит он, — отвергают возможность существования первобытных лесов в южно-степном крае в отдаленные от нас времена; я сам принадлежал к приверженцам этого мнения; но последнее путешествие по Земле Донского Войска совершенно меня убедило в справедливости

⁴⁴ Из описания Салтова 1674 г.: «город Салтов построен на Салтовском городище, обставлен дубовым лесом». (Ист. — статистич. Описание Харьков. епархии. ч. I, стр. 192.

⁴⁵ Из описания Салтова 1674 г.: «город Салтов построен на Салтовском городище, обставлен дубовым лесом». (Ист. — статистич. Описание Харьков. епархии. ч. II, стр. 295–296.

⁴⁶ Книга, глаголемая Большой Чертеж, стр. 17.

⁴⁷ Книга, глаголемая Большой Чертеж, стр. 17: «а меж Можа и Коломака на Муравской дороге рву версты с три... А по странам того рва обойти нельзя: пришли *леса* и болота».

⁴⁸ Списки населенных мест. Екатеринославская Губерния. СПб. 1863 г. Стр. XIII.

⁴⁹ Книга, глаголемая Большой Чертеж, стр. 18 и 97.

⁵⁰ Description d'Ukraine, par Beauplan. Rouen. 1660 a., p. 17: cette riviere de Samar est fort considerable avec ses environs, non seulement pour l'abondance du poisson, mais aussi pour la cire, miel, la venaison, et *les bois a bastir*, dont elle est plus riche, qu'aucune... «les cosaques l'appellent la riviere sainte, peut estre a cause de son heureuse abondance».

⁵¹ Записки Одес. Общ. Ист. и Др. 1848 г. т. I, стр. 573, 574. То же самое говорит стряпчий Иван Коломнин, посланный для осмотра берегов Самары. (Летопись занятий Археогр. Комиссии, 1861 г. в. I).

⁵² Ипат. лет. Стр. 369: «Идоша князи 9 дней ис Киева. И взяша веже их на Угле реце, а другие по Снопороду, а самех постигоша в Черного, леса... Басшии же и инии мнози гониша по ним и за Вьскол бьуче и». Очевидно, здесь, придерживаясь направления с Орели к Осколу, мы должны признать за Самару Снопород, а Черный лес поместить между ее верховьями, Донцом и Осколом. Снопород Самарой считал еще Щекатов (Словарь Географ. Р. Г. Москва. 1807 г. Ч. 5, стр. 1061).

⁵³ Летопись еще упоминает о Голубом лесе: «и доидоша до Снепорода и ту изымаша сторожы половецкие и поведаша вежи и стада половецкая у Голубого леса». (Ипат. лет. Стр. 440). Это — единственное показание, и из него извлечь ничего нельзя.

ности противоположного мнения»⁵⁴. Мы позволяем себе присоединиться в этому мнению: мы обозрели или существующее теперь, или существовавшие прежде леса; мы видели ясные указания для некоторых местностей, что в более отдаленное от нас время эти леса были обширней, даже росли там, где их теперь совсем нет. Я думаю, что на основании всего этого бесспорен вывод, что несколько столетий назад леса занимали весьма обширные пространства. Для нас важен скромный вывод, что лесные пространства были более распространены, чем теперь, во время историческое, во времена поселения тут славянских племен, не касаясь вопроса о безлесности степи, или о сплошном занятии ее лесами, в доисторическое время. Повторяем, для нас важно, что славяне застали на юге большее распространение лесов, большую их дремучесть, чем это было во времена позднейшие, чем это есть теперь. Какое значение имел лес для славянского населения? Не касаясь его влияния на склад народной жизни, на занятия, на поэзию народа и т. д., обратим внимание на его значение для оседлого населения в другом отношении. Кажется, не может быть спору в том, что славянское племя, появившееся в Европе, конечно, с востока, должно было двигаться по речным системам как единственному удобному пути.

Лесные пространства являлись препятствием движению. Доходя до водораздела между какими-нибудь двумя реками, славянство должно было на некоторое время задерживаться здесь, чтобы прочистить себе дорогу к следующей речной системе. Иногда известное племя тут и осаживалось надолго. В то же время другое племя, двигаясь по другой реке, приходило к этому же водоразделу с противоположной стороны. Водораздел являлся границей двух племен. Таким образом, лес служил немалым препятствием при расселении племен, и поэтому уже тогда должно было начаться его истребление. Но вот племена оселись. И тут вражда к лесу не могла прекратиться. Он препятствовал земледелию, сообщению с соседями и т. п. Уничтожение леса должно было усиливаться. Таково было положение в то время, когда славянство не было тревожимо никем.

Но вот обстоятельства изменяются. Азия высылает массы кочевников-наильников против оседлого славянского населения. Лес из врага становится защитником. Особенно чувствует это окраинное население. В странах, где есть горы, оседлое население удерживается в местностях гористых. У нас не было этих защитников. Надо было отступать в леса, окружить себя чащами, топиями, болотами. Начинается переселение. Чем лесистей местность, тем вытеснение совершается медленнее, чем она открытее, тем скорее происходит удаление оседлого населения. Углич, занимавшие открытую местность на нижнем течении Днепра, раньше других, еще в X столетии, переселяются в более лесистые местности Бессарабии. Подонское население держалось дольше и, как кажется, отступало постепенно. В начале XII в. мы видим переселение Беловежцев в область Черниговскую. Постепенному отступлению способствовало обилие лесов в области Дона и его притоков. Переяславское княжество упорно боролось за свои границы и, благодаря лесистости своей территории, и в XII в. удержало небольшие поселения даже по Ворскле. Все это факты известные. Мы вправе поэтому искать в более лесных местностях остатков славянских поселений в гораздо более продолжительное время, чем в местностях открытых.

Отступая, оседлое население старалось окружить себя всевозможными преградами для набегов кочевников. Летопись сохранила нам известие о постройке городов Владимиром Святым по Суле и по Стугне, для обороны против печенегов: «...бе бо рать от печенег, и бе воюяся с ними и одоляя их»⁵⁵. Письмо же Брунона к императору Генриху II указывает нам на устройство Владимиром весьма крепких и длинных засек⁵⁶, чему, конечно, способствовала лесистая

⁵⁴ Цитата у Бруна: Черноморье. Ч. II, стр. 81.

⁵⁵ Лавр. лет. СПб. 1872 г. Стр. 119.

⁵⁶ Monumenta Poloniae Historica. Widał August Bielowsky. Lwow, 1864 г. v. I, стр. 225: «duxit me (Bladimirus) usque ad regni

местность берегов Стугны. Население пользовалось для своей защиты всеми естественными преградами. Позже, например, во время занятия степей татарами, устраивались крепости «лесные и болотные»⁵⁷. Население, при вести о набеге врагов, скрывалось в леса. Так изменилось значение леса. Для оседлого населения он стал защитником, для кочевника препятствием в его опустошительных набегах. Легкое войско печенегов и половцев было страшно своим военным искусством в открытом месте, но в лесу оно пасовало перед пешей ратью. Припомним, например, как в 1170 г. русские «постигоша половцев в Черного леса, и ту притиснувшие к лесу, избита е, а ины руками изоимаша»⁵⁸. «Народ земледельческий, крепко привязанный к своей земле и к своим старым обычаям, славяне не могли легко и охотно покидать свои старые жилища»⁵⁹. Они покидали их медленно, в течение веков, и лучшим помощником, защитником для них в этом упорно-медленном отступлении были леса.

Когда же появилось славянское племя на берегах Черного моря и в теперешних степных пространствах? Первые известия о славянах в этих местностях мы находим у писателей VI в. Так Иордан представляет нам их разделенными на два племени: анты между Днепром и Днестром и славяне собственно между Днестром и Дунаем⁶⁰. Но этот писатель не знал о поселениях антов и далее на восток. Об этом нам сообщает Прокопий Кесарийский, заслуживавший полного доверия благодаря положению, которое он занимал в Византии, как сенатор и префект города: о столкновениях греков со славянами он писал на основании рассказов очевидцев и официальных сведений⁶¹.

Он рассказывает, что к северу от готов, обитающих по берегам Дона и Азовского моря, живут анты⁶². В третьем веке по Р. Х. мы видим столкновение готов с римлянами; между тем готы застали уже антов и славян на их местах, ибо покорили их. Следовательно, время поселения славян по берегам Черного моря следует отодвинуть от VI в. назад, к I или II столетию по Р. Х. Нет, конечно, ничего невероятного, что славяне жили здесь еще и до Р. Х., но мы ограничиваемся и этой давностью, которая сама вытекает из приведенных известий. Нельзя, кажется, сомневаться в том, что расселение славянства по местам их позднейшего пребывания шло с юго-востока. Первоначально, конечно, и анты явились на юго-востоке и оттуда уже путем рек, впадающих в Днепр, достигли до его области. Как бы ни было, мы в III в. находим обширные поселения славян от Дуная и до Дона. Несмотря на движение готов, оно остается на прежних своих местах, как более слабое, покоряется ими.

С появлением гуннов готы поработившие славян, вытесняются; анты подчиняются гуннам и все-таки остаются на своих местах. Даже более, — нахлынувшие кочевники, по рассказу бывшего у них греческого посла, Приска⁶³, сами подвергаются в некоторой степени культуре оседлого населения, принимают многие его обычаи, что и подало повод смешивать гуннов со славянами. Если мы даже примем то мнение, что Приск не выезжал из пределов Паннонии, что население в ней принадлежало к кельтскому племени⁶⁴, то все-таки нельзя отрицать его оседлости и влияния ее на кочевников.

sui terminum ultimum, quem propter vagum hostem firmissima et longissima sepe undique circumclausit».

⁵⁷ «Роспись, что по осмотру стряпчого Ивана Коломнина»... Он говорит, что по берегам Самары много лесов, болот и озер; что эти леса, озера и болота могли служить удобным местом для передовых укреплений. От Лучанского урочища до Гришина брода «в луговых местах крепости болотные». По реке Гнездище «крепости от неприятельского приходу надежны, потому что приходили болота и великие камыши» (Летопись занятий Археогр. комиссии, 1861 г. вып. I).

⁵⁸ Ипат. лет. Стр. 369.

⁵⁹ Ламанский. Славяне в Малой Азии. СПб. 1859 г. Стр. 76–77.

⁶⁰ Iordanis. De Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis. Ed. Carolos Gloss. Stuttgartiae. 1861 г. Heft I, f. 22–26, 28.

⁶¹ Макушев. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб. 1861 г.

⁶² Procopii. De bello gottico, lib. IV, c. IV; Ср. Васильевский. Рус. – Виз. Отрывки – Ж.М.Н.П. 1877 г. № 6; Ламанский. О славянах. Стр. 76–77; Брун. Черноморские готы – Зап. Им. Ак. Н. 1874 г. т. 24, к. I, стр. 15.

⁶³ Учен. З А.Н. по II отд. т. XII. Сказание Приска Панийского. Дестуниса.

⁶⁴ Ж.М.Н.П. 1882 г. Ч. 222. Июнь. Васильевский. Рецензия на «Введение в Рус. Историю» Иловайского.

Вслед за гуннами на славян обрушились авары, появившиеся на берегах Волги еще в 554–555 гг. В VII в. их власть простиралась уже от Дуная до Дона и на запад до Чехии. Они покорили антов, но после, при аварском кагане Байане, последние подняли восстание. Кагану пришлось усмирять их. Вскоре начались отпадения от власти авар отдельных племен. Первыми сбросили с себя это иго болгары в 630 г. Затем появление хазар в 667 г. и быстрое распространение их могущества окончательно ослабили авар⁶⁵. Мы видим и в это время антов оседлыми: они покорены, поднимают восстание, усмиряются. Мы замечаем тут уже, что у них есть племенные князья, как, например, Мезамир, явившийся для переговоров к аварам и убитый ими. Писатель конца VI в., император Маврикий, рисует их нам как людей благосклонных и гостеприимных по отношению к путешественникам; у них были рабы, но рабство не вечное; жили они в лесах и болотах и жилища делали со многими выходами, как предосторожность от неожиданных нападений врагов; вооружались они двумя дротиками и большими щитами, имели и луки; у них вечные несогласия, и никто не хочет при обсуждении дела уступить другому; между ними есть много князьков (*reguli*), враждующих между собой⁶⁶. Черты быта, сообщаемые Маврикием, весьма интересны: мы видим, что анты были по характеру действительные славяне, даже напоминали новгородцев при решении общих дел; они сражаются пешими, с большими щитами – ясный признак некоего населения. С падением власти авар исчезает и имя антов. Но нет никакой возможности допустить, чтобы это оседлое население погибло в этих местах, от Дуная до Дона, а тем более целиком переселилось бы куда-нибудь. Все, что могло произойти при постоянных движениях кочевых масс, – это группировка оседлого населения в более лесистых местностях. Мы видим, что анты уже ограждаются лесами и болотами. Вся страна их, по известию Маврикия, наполнена болотами, лесами и тростниками⁶⁷. Благодаря такому характеру местности славяне удержались здесь до X в. Главными местами их поселений должны были сделаться берега рек, где больше сосредоточивалась лесная растительность, где являлось больше топей, зарослей. Мы увидим ниже, что это и было так. О судьбе антов в бассейнах рек Днепра, Днестра, Буга мы имеем известия нашей летописи, но об их братьях, живших в VI в. в области Дона, в последующие столетия нет прямых известий, хотя есть указания, не позволяющие, как нам кажется, сомневаться, что анты и здесь не были поглощены землей. Как западные их родичи сгруппировались по долинам рек в лесных местах, так и они могли занять места около рек Дона и его притоков. Мы обязаны вспомнить, что еще в XVI – XVII вв. мы видим леса по Самаре, Орели, Овечьим-водам, находим их у устья Дона. Оседлое население могло отступить частью южнее к устью этой реки, частью на линию, где начинались лесные гущи. Степные пространства в этих местностях мы находим в IX столетии занятыми кочевым народом венграми. Страшные спустя одно столетие печенеги до этого времени жили еще между Волгой и Яиком⁶⁸, и оседлое население не приходило с ними в столкновение. Сохранению его способствовало и политическое положение дел, установившееся на юге.

С конца VII в. хазары распространяют свою власть на всем пространстве от Волги до Днепра. Славянское население подчиняется им и находит под их властью безопасность. В государстве хазар мы встречаем полную религиозную и национальную терпимость. Это общеизвестно. Во время своего могущества они умели сдерживать подвластные им племена от враждебных столкновений. Кочевники венгры находились в зависимости от хазар, как это видно

⁶⁵ О гуннах и аварах см. *Nouvelles Annales de voyages*, v. II, 1850 a. и 1848 a. v. IV. *Etudes ethnographiques et historiques sur les peuples nomades qui se sont succédés au nord du Caucase*, par M. Vivien – de Saint-Martin. *Revue de deux mondes*. 1854 a. Novembre. «Fils et usucesseurs d'Attila», par Thierry.

⁶⁶ *Strategicum Mauriciū. Upsaliae. Ed. Sehefferus. MDCLXIV a. in 8° I. XI, c. V.* Ср. Ламанский. Славяне в Малой Азии. Стр. 129.

⁶⁷ *Strategicum Mauriciū. Upsaliae. Ed. Sehefferus. MDCLXIV a. in 8° I. XI, c. V.* Ср. Ламанский. Славяне в Малой Азии. Стр. 129.

⁶⁸ *Corpus Script. Historiae Byzantinae. Constantinus Porphyrogenitus. v. III, p. 164.*

из рассказа Константина Багрянородного⁶⁹. Враждебное движение в степях начинается только в то время, когда Хазария ослабела в борьбе с арабами, когда вследствие этого ей пришлось взяться за ту же политику, какой пользовалась в своем бессилии Византия, – ссорить соседей, чтобы удержаться самой. Начало этому дал союз хазар с узами для обуздания печенегов в IX в. Печенеги обрушились на венгров, заставили их уйти в Паннонию. Хазария не имела далее сил справиться с узами, теснимыми половцами. Походы русских X века подорвали ее могущество окончательно и уничтожили этот *оплот славянства* на Востоке. Но в период VII–IX вв. сила хазар была еще крепка, и славяне под ее охраной сохраняли свое местопребывание.

⁶⁹ Corpus Script. Historiae Byzantinae. Constantinus Porphyrogenitus. v. III, p. 168–170.

Хазарский воин, ведущий пленного. Рисунок на вазе

Когда в IX в. началось упомянутое движение, то славяне должны были несколько отступить и более сосредоточиться около устьев Дона и к северу в лесных местностях. Тут, у этой реки, еще застает их арабский писатель Массуди в X в. Вот что сообщает он нам: «Между большими и известными реками, впадающими в море Понтус (Черное море), находится одна, называемая Танаис, которая приходит с севера. *Берега ее обитаемы многочисленным народом славянским* и другими народами, углубленными в северных краях»⁷⁰. Рядом с этим известием стоит другое: «Марван, дядя Халифа Гишама, проник в Хазарию и там, расположившись лагерь у славянской реки, взял из них в плен 20 000 человек и поселил их в Кахетии»⁷¹. Это сообщение для нас весьма важно. Оно не только подкрепляет известие Массуди, но доказывает существование славянского оседлого населения по Дону в VIII в., потому что рассказанное событие совершилось в первой половине этого столетия, а этим подкрепляются приведенные нами выше соображения. Кажется, не может быть сомнения в том, что под именем славянской реки арабские писатели разумели Волгу и Дон, принимая последнюю за рукав первой. Так думал и Массуди, говоря, например, что Каспийское море не имеет никакого другого сообщения с Азовским, кроме хазарской реки (Волги)⁷². Чтобы представить эту реку соединяющей упомянутые моря, необходимо нужно Дон признать ее рукавом. Точно такого же мнения был и Ибн-Хордадбег⁷³. Арабы в своей борьбе с хазарами не раз проникали в страны на север от Кавказских гор, и нет ничего удивительного в том, что Марван дошел до нижнего течения Дона. После этого события он в 735 г. занялся подчинением кавказских мелких владетелей и потом снова через города Баланджар и Семендер вторгся в самое сердце Хазарии, разбил армию кагана и вывел в страну лезгин колонию хазар. Имя хазар сохранилось до нынешнего столетия среди лезгин и других народцев Кавказа, хотя и в переносном смысле: словом «chysst», в их произношении, равном слову «хазар», они называют евреев⁷⁴. Нет, таким образом, основания отрицать вышеприведенного известия, так как по самым обстоятельствам оно не представляет ничего невероятного, несогласного с ходом дела. Этим сообщением мы обязаны двум авторам: Аль-Баладури и Табари. Первый из них жил и писал во второй половине IX столетия. Своими сатирическими произведениями он приобрел расположение халифов, а так как принятый им на себя труд – история завоеваний ислама⁷⁵ – был весьма интересен для мусульманского мира, то можно смело предположить, что для него были открыты архивы, а это уже много говорит в пользу достоверности его известий. Мы не имеем также основания заподозрить в неверности и Табари, известного своими сочинениями по богословию и истории⁷⁶. Вообще арабов обвиняют в большой склонности к фантазии, выставляют невозможность правильных сообщений с их стороны по отдаленности их местопребывания от описываемых стран и народов, от места событий. Но не ко всем из них и не во всех случаях это может относиться. Есть факты, где нет пищи для фантазии; есть между арабами путешественники, лично посещавшие описываемые земли; многие из них и на месте своего жительства обладали средствами, дававшими им возможность правильного изложения фактов истории, географии и этнографии. Нужно смотреть, таким образом, на характер сообщаемого факта и на положение

⁷⁰ Гаркави. Сказания мусульманских писателей. Стр. 140.

⁷¹ Гаркави, стр. 37 и 75. D'Ohsson. Les peuples du Caucase. Paris. 1828 a. 8° p. 64–65.

⁷² Сказания мусульманских писателей. Стр. 127–128.

⁷³ Ibidem, стр. 49; Journal asiatique. 1865 a. v. 5, serie VI. «Le livre des routes et des provinces par Ibn-Khordadbeh, publie par Barbier – de-Meynard, p. 514.

⁷⁴ D'Ohsson. Les peuples du Caucase. P. 65, 66, 67 и 212.

⁷⁵ Сказания мусульманских писателей, стр. 35.

⁷⁶ Сказания мусульманских писателей, стр. 72.

сообщавшего. Известие Аль-Баладури и Табари мы признаем заслуживающим полного доверия.

Хазарский шлем. IX в.

К числу таких же сообщений, на которых нет возможности разгуляться фантазии, должно отнести и известие Массуди о пребывании славян по реке Дону. Перечитывая его, убеждаешься в его простоте, в отсутствии всего того, что заставляло бы подозревать автора в какой-либо тенденциозности, в стремлении к вымыслу. Таков характер сообщаемого факта. Но мы не должны забывать еще, что Массуди был путешественник, лично посетивший прикаспийские страны. В свою жизнь он объездил Ирак, Армению, Каспийское море и его прибрежные страны, Персию, Индию, остров Цейлон, Трапезунд, может быть, Малайское и Китайское море, Египет, Африку, на западе Испанию⁷⁷. Из прикаспийских стран он посетил Хазарию⁷⁸, что, конечно, особенно важно для нас: значить, те лица, от которых он добывал свои сведения, могли сообщить ему верные данные, так как в Хазарии жило много славян, и самое Подонье входило в район подчиненных ей стран. Массуди отличался большой осторожностью в собирании материала для своих сочинений. «Во всякой стране, говорит Рейно, которую он посещал, он отыскивал документы, относившиеся в прошедшему времени; он входил в сношение со знающими людьми страны»⁷⁹. Вот, например, слова самого нашего путешественника. «Я путешествовал, – говорит он, – из Абоскуна, который есть пристань Джурджана (Гургандж, Гургандж, Ургенч – столица Хорезма. – *Примеч. ред.*), в страну Табористан, и я не пропускал ни одного из виденных мною купцов сколько-нибудь понимающих, которого не расспрашивал бы об этом (о соединении Азовского и Каспийского морей), и все они рассказывали мне, что нет другого пути в Абоскун, как через Хазарское море»...⁸⁰ Сверх этого, в доказательство верности своего мнения, он приводит рассказ о походе руссов в Табористан⁸¹. Такое отношение к делу заставляет относиться с доверием к автору известий: наверно, он внес в свой труд заметку о славянском поселении Подонья не по первому слуху, а после тщательных расспросов. Нет также ничего невероятного в том, что Массуди мог еще у себя, в Багдаде, слышать об этом факте, или почерпнуть его из сочинений других арабских географов и историков. Но и в таком случае достоверность сообщения несколько не уничтожается.

Наш автор принадлежал в числу самых образованных людей своего времени. Он изучал даже греческую литературу⁸². В числе его источников мы находим сочинения уже упомянутых нами Ал-Баладури и Ибн-Хордадбега. О положении, которое занимал в Багдаде первый, мы уже говорили. Еще в лучших обстоятельствах стоял Ибн-Хордадбег. Около 880 г. он занимал должность начальника почт в Джибале. От него осталась «Книга путей». Тут находится полное перечисление всех главнейших провинций, городов, с обозначением количества налогов не только с каждой провинции, но и города; в описании путей сообщения перечисляются все станции с указанием расстояния между ними в фарассангах⁸³. Эта точность труда, его мелкие подробности показывают, что автор пользовался официальными сведениями. Кроме того, ему, как министру путей сообщения, было весьма легко собирать указания и от иностранцев, которые должны были к нему весьма часто обращаться. Но предположим даже, что у Массуди были

⁷⁷ Сказания мусульманских писателей, стр. 120; Rambeau. L'empire grec au dixieme siecle. Paris. 1870 a. P. 495.

⁷⁸ Frahn. Ibn-Fasland's und anderer araber Berichte. СПб. 1823. Стр. IX–X. Ср. Макушев. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб. 1861 г.

⁷⁹ Reinaud. Geographie d'Aboulfeda. Paris. 1848 a. v. I p. LXV.

⁸⁰ Сказания мусульманских писателей. Стр. 128.

⁸¹ Об этом походе см. замечательную статью господина Григорьева: «О древних походах руссов на восток», в его сборнике «Россия и Азия», СПб. 1875 г. Здесь автор приходит к заключению о полной достоверности известий Массуди. «Описывая вторжение руссов, – говорит господин Григорьев, – Массуди не был водим ни ревностью в религии, ни любовью к отечеству; не имел в виду ни увеличить славы мусульман, ни воспеть своего героя, как Низами» (стр. 17–18). Все это еще в большей степени должно относиться к разбираемому нами известию.

⁸² Сказания мусульман, писателей. Стр. 117. Ср. Макушев. «Сказания иностранцев о быте и нравах славян».

⁸³ Journal asiatique. 1865 a. v. I, s. VI.

под руками еще другие, менее достоверные источники, то и в таком случае отношение его к ним должно уничтожать недоверие наше к его известиям. Как поступали арабские ученые с материалом, добытым раньше их путешествий, видно из слов Ибн-Гаукаля. Он говорит, что первое время своих поездок постоянно держал в руках сочинения Ибн-Хордадбега, Кодамы и Джагайни, конечно, с целью проверок их сообщений своими личными наблюдениями. То же самое делал и Массуди. Он скептически относился во всем ранее приобретенным сведениям и проверял каждое из них на месте. *«Некоторые ошиблись и думали, – говорит он, – что море Хазарское соединялось с морем Майотас (Азовское), но я не видал между купцами, отправляющимися в страну хазар и путешествующими по морю Майотас и Найтас (Черное), в страну рус и болгар, ни одного, который бы думал, что с Хазарским морем соединяется одно из этих морей»*⁸⁴. Он, таким образом, не берет на веру мнений своих ученых предшественников или современников, а прямо указывает их ошибку. Следовательно, найди он опровержение факту славянских поселений на Дону, мы видели бы у него непременно и его отрицание, а поверить в этот факт он имел возможность, так как был в Хазарии. Итак, к какому заключению мы придем относительно этого важного известия Массуди? Известия Прокопия и Маврикия VI в., Аль-Баладури VIII в. и Массуди X в. стоят в связи между собою и поддерживают друг друга. Исторические обстоятельства, о которых мы говорили, служат также их подтверждением. Молчание нашей летописи о распространении славян в область реки Дона не может служить опровержением сделанному нами выводу. Она молчит о многом. Летопись наша не интересуется судьбой даже уличей и тиверцев, о которых упомянула вначале; для нее мало заботы о Тмутаракани после 1094 г.: для нее исчезает этот город, хотя мы знаем из других источников о продолжении его жизни. Все, что не было под властью русских князей, было для нее «не наше». Она только при случае упоминает о реке Доне. Летопись составлена в XII в., когда уже собственно племенные названия утратились и заменились именами княжеств. Поэтому она знает княжество Тмутараканское, но не называет его жителей племенным именем. Отчего же она не упомянула под каким-нибудь названием о них при своем перечислении славянских племен, когда поставила в числе их уличей и тиверцев, о которых позже тоже ничего не говорит? Оттого, что в то время, когда племена русских славян носили еще свои имена, эти уличи и тиверцы входили в состав подчиненных русским князьям, между тем как племя, жившее по Дону, входило тесно в состав Хазарской державы, следовательно, было для летописца «чужим». Он мог смотреть на них даже как на хазар. Беловежцы являются в 1116 г. в Русь, отступая перед напором кочевников, и одна из летописей прямо называет их хазарами⁸⁵. Возьмем самое известие нашей летописи о размещении северян: «а друзии же седоша по Десне и по Семи и по Суле и нарекошася севера»⁸⁶. Река Сула является здесь юго-восточной границей этого племени, а между тем мы находим поселения и на Хороле, и на Ворскле, и на Псле, и даже на Донце⁸⁷. «Как далеко, – говорит господин Барсов, – простирались на юг славянские поселения на восточной стороне Днепра, неизвестно. К концу X в. мы застаем их окраины на Суле реке, но если и здесь славянское население было также принуждено постепенно отступать к северу под наплывом степных инородцев, как то было на западной стороне Днепра, то необходимо допустить, что их первоначальные поселения заходили гораздо далее на юг»⁸⁸. Но кто же будет спорить против того, что давление кочевников было действительно, что славяне принуждены были отступать? Нельзя считать эти засульские поселения следствием колонизации славян в степи, потому что до самого нашего времени татар мы видим здесь только отступательное движение славянского племени, а никак не

⁸⁴ Сказания мусульманских писателей. Стр. 127.

⁸⁵ «В се лето приидоша Беловежцы, си есть Козаре, в Русь». (Цитата из Густын. летописи у Д. Багалея «История Северной земли до половины XIV столетия. Киев. 1882 г. Стр. 22»).

⁸⁶ Ипат. лет. Стр. 4.

⁸⁷ Город Хороле, Лтава, Голтов, Донец.

⁸⁸ Очерки Рус. Ист. Географии. Н. П. Барсова. Варшава. 1873 г. Стр. 131–132.

наступательное. Следовательно, это были остатки некогда бывших здесь поселений. Но летопись не говорит нам о них ни слова. Таково ее отношение к местностям ближайшим, населенным русскими же людьми. Мы не отрицаем, что летопись *могла* знать и о более отдаленных странах; нельзя не принять мнения господина Срезневского, что источниками для географии летописи служили рассказы бывалых людей, принимавших участие в торговле; что русские с незапамятных времен изведали многие страны Востока и Запада⁸⁹. Но знания русских людей приходится отделить от знаний по географии нашего летописца, насколько это видно из его сообщений: географические сведения летописи на ее первых страницах о Западной Европе и странах прикаспийских весьма скудны. Известия ее о Хазарии, бывшей в близкой связи с русскими славянами, имеют только исторический характер. Очевидно, летописец или не имел о ней рассказов бывалых людей, или не хотел передавать их. Но последнее не так верно. Доказательство этому мы находим в описании обычаев разных племен. Начав рассказ с обычаев русских славян, летописец желает показать, что он знает и более. Он рассказывает тут и о сирийцах, и бактриях, о халдеях и вавилонянах, и об амазонках; есть тут и половцы. Последние были уже очень близки, непосредственно могли быть знакомы летописцу. Но от кого он узнал о раньше упоминаемых народах? «Глаголет Георгий в летописаньи»⁹⁰. Вот откуда – из греческого хронографа. Заметим, что весь рассказ о всяких халдеях, вавилонянах и амазонках изложен в настоящем времени. Бывалые русские люди, принимавшие участие в обширной торговле с Азией⁹¹, наверно, знали о ее жителях совсем иное, наверно, могли рассказать кое-что о жизни арабов, а не об амазонках. Отсюда ясный и, кажется, неопровержимый вывод, что наш летописец не слушал рассказов этих бывалых людей, а верил только своим хронографам и питался их сообщениями, не желая вовсе проверять их. Несколько слов о Западной Европе и о пути через Волгу в «Хвалисы» являются совершенно случайными. Допустив, что они переданы бывалыми людьми, придется только сказать, что летописец *мог* знать о внерусском мире, но *не хотел*.

Можно ли после сказанного поставить рядом с нашим летописцем любознательных ученых арабов, как Ибн-Хордадбег, Ибн-Фоцлан Ибн-Фадлан. – *Примеч. ред.*), Массуди? Каждый путешественник, каждый писатель сообщает иногда факты, требующие строгой проверки, но из этого не следует возможность отрицать все его известия.

Когда Массуди писал свое известие о Подонском поселении славян, входивших в пределы Хазарии, последняя была прекрасно известна арабам. Мы могли бы в доказательство указать на выводы, сделанные господами Григорьевым и Савельевым в указанных раньше трудах. Оба они работали в одно время, независимо друг от друга, и пришли к одинаковым заключениям об обширности сношений народов на территории теперешней России с Азией. Но не лишним считаю указать несколько фактов, относящихся к Хазарии. Между Таврическим полуостровом и Азией существовали издавна самые оживленные сношения. Они были так прочны, что не прекращались даже в XIII в., когда занятие степей кочевниками выдвинуло для них много препятствий. Весьма интересны в этом отношении данные, находимые у Ибн-эль-Атира, арабского писателя середины XIII в. Он рассказывает, что, когда в 1223 г. татары потребовали от владетеля Тебриза⁹² выдачи бежавших хорезмийцев, то владетель часть последних убил, часть взял в плен; пленных и русских (купцов) отправил с подарками татарам⁹³. Для нас это изве-

⁸⁹ Вестник Имп. Рус. Геогр. 1854 г. т. X, к. II. Срезневский. Следы древнего знакомства с южной Азией. Также Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. 1852 г. к. VI. Беляев. О географич. сведениях в древ. Руси.

⁹⁰ Лавр. лет. Изд. Археогр. Комиссии. СПб. 1872 г. Стр. 13–15.

⁹¹ См. И.С. Савельева. Мухамеданская нумизматика. СПб. М. DCCCXL. VI. Также Григорьева. О куфических монетах в сборнике «Россия и Азия».

⁹² Тебриз – город в Азербайджане, области, находившейся на юго-вост. берегу Каспийского моря. (См. карту Азии начала XIII в. при сочинении *Histoire des Mongols*. Par D'Ohsbon. La Haye et Amsterdam. 1834 a. v. I).

⁹³ З. А. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II. Куник. Выписки из Ибн-эль-Атира. Стр. 668.

стие должно сохранять полную силу и в том даже случае, если здесь именем русских купцов названы некоторые из хорезмийцев, торговавших на Руси.

Хазарская кольчуга. IX в.

Рассказывая о взятии Судака татарами, Ибн-эль-Атир говорит, что к этому городу пристают суда с одеждами и частью покупают, частью выменивают на них невольников и меха⁹⁴. Когда пришли татары, сетует он далее, дорога нарушилась, и не получалось никаких товаров, ни чернобурых лисиц, ни бобров, ни белок, что отправлялось из тех стран; когда же татары возвратились, то дорога открылась, и стали отправлять товары по-прежнему⁹⁵. О событиях 1223 г. Атир говорит по рассказам бежавших из Крыма⁹⁶. Если такие оживленные сношения происходили во времена Атира, то нет повода уже сомневаться в верности арабских известий предыдущих столетий о вывозе из земли Руса и Славонии всякого рода мехов, когда Хазария покровительствовала этой торговле. Ей способствовали в сильной степени евреи, в большом числе проживавшие в этом государстве. Поселение этой нации на Таврическом полуострове восходит к отдаленному времени. Еще раньше появления готов в Крыму в Пантикапеоне находилась иудейская синагога и есть свидетельство, что в VII в. тут существовала иудейская община⁹⁷. При Гарун-эль-Рашиде хазарские правители приняли иудаизм, и с тех пор много евреев утвердилось в их стране, особенно после 944 г., когда на них было поднято гонение

⁹⁴ З. А. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II. Куник. Выписки из Ибн-эль-Атира. Стр. 660.

⁹⁵ З. А. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II. Куник. Выписки из Ибн-эль-Атира. Стр. 662.

⁹⁶ Куник. Ibidem.

⁹⁷ Брун. Черноморье. Одесса. 1880 г. Ч. II. Стр. 310.

в Византийской империи⁹⁸. Есть известие у Ибн-Хордадбега, что раданиты ездили из Западной Европы или морем или сушей в Суэц, Аравию, Индию, Китай и говорили по-персидски, латински, арабски, французски, по-испански и славянски⁹⁹. Эти раданиты, не без вероятия, могут быть признаны за евреев.

Обширные торговые связи были между поволжскими берегами и Центральной Азией – Хорезмом. Булгары и славяне вели с ним деятельную торговлю¹⁰⁰. Она происходила главным образом в столице Хорезма, Джурджание или Куркандже. Из этого города часто направлялись караваны в Хазарию, Маверанагру и Джорджан. Сюда стекались пушные товары и рабы хазарские, славянские и тюркские¹⁰¹. Из Джорджана шли караваны на верблюдах в самый Багдад¹⁰². Хорезмийцы иногда делали и набеги на болгар и славян, причем многих из них уводили в плен¹⁰³. Скажем, между прочим, что последнее известие говорит в пользу существования славянских поселений по Дону, ибо нападать на славян хорезмийцы могли только в областях при-волжских или придонских. У эль-Атира сохранилось даже такое предание, что несколько после принятия иудейства на хазар напали хорезмийцы и покорили их; что в другой раз (в 204 году гиджры, т. е. 819–820 гг. по Р. Х.) хорезмийцы подали хазарам помощь под условием принятия последними исламизма¹⁰⁴. Оно указывает на близость отношений между Хазарией и Хорезмом. Кроме того, известно, что гвардия хазарского кагана состояла из хорезмийцев¹⁰⁵.

Как давни были сношения хазар с Персией, видно, например, из того, что при Хозрое был в силу политических обстоятельств воспрещен доступ к его двору иностранцами из Хазарии и Аллании¹⁰⁶. Столетием ранее эры арабов владения хазар простирались до реки Аракса¹⁰⁷. С развитием силы арабов начались их частые столкновения с Хазарией. Борьба эта шла с переменным счастьем. Результатом ее прежде всего должно было явиться расширение этнографических и географических сведений арабов о Хазарии и областях между Черным и Каспийским морями. Оба народа в своих походах глубоко проникали в страны один другого: с одной стороны хазары доходят до Моссула, проникают и в глубь Персии, с другой – арабы берут хазарские города Семендер, Баланджар¹⁰⁸. Чем далее шло взаимное знакомство двух наций, тем более расширялись и сношения между ними. Отношения были и дружественные, коммерческие. Любопытство или выгоды побуждали арабских путешественников ездить в северные страны. Особенно эти отношения усилились в X в.¹⁰⁹

Этого небольшого очерка вполне достаточно, чтобы убедиться, что во времена Масуди страны между Волгой и Доном, между Черным и Каспийским морями были прекрасно известны арабам. Мог ли бы наш путешественник написать ложь в своем сочинении, притом без всякого интереса для себя, когда его могли уличить в ней его современники, знавшие о Хазарии не менее его. Что значило для него славянское поселение на Дону сравнительно с его

⁹⁸ Rambeau. L'empire grec. P. 339. D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 36.

⁹⁹ Journal asiatique. 4865 a. v. V, s. VI. Le livre des routes d'ibn? Khordadbeh tr. par. B. de-Meynard. P. 512–514.

¹⁰⁰ D'Ohsson. Les peuples du Caucase. P. 79.

¹⁰¹ «Le commerce se fait principalement dans la ville de Courcandje, que nous autres autres appelons Djourdjanieje. De cette capital du Khorazm... porteut souvent les caravanes pour la Khozarie, la Mavera-un-Nehr et la Djourdjan. Elle est l'entrepôt des marchandises du nord, qui consisteut surtout en peaux de renard, zibeline, castor et autres pelleteries, et en esclaves khozars, esclaves et turcs (Ибн-Гаукаль). Ibidem, p. 147.

¹⁰² Journal asiatique 1865 a. v. V, s. VI. Le livre des routes, p. 514. Город Джорджан дал свое имя Каспийскому морю, которое у арабов называлось Джарджанским (Ibidem, p. 524).

¹⁰³ D'Ohsson. Les peuples du Caucase. P. 80.

¹⁰⁴ D'Ohsson. Les peuples du Caucase. 203.

¹⁰⁵ D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 36.

¹⁰⁶ Journal asiatique. 1865 a. v. V, s. VI. Le livre des routes.

¹⁰⁷ D'Ohsson. Les peuples du Caucase. P. 47.

¹⁰⁸ D'Ohsson. Les peuples du Caucase. P. 49, s. 7, 60, 67.

¹⁰⁹ Nouvelles annales des voyages. 1851 a. vs. II et III «sur les Khazars» par Vivien – de-S. Martin.

ученой известностью на Востоке. Не забудем, что период IX–X вв. на всем Востоке, в Византии, в Багдаде был лучшим временем географии¹¹⁰.

В заключение мы могли бы привести соображения о славянстве населения Тмутаракани господ Ламанского, Барсова, Иловайского, Багалея, но это только увеличило бы объем главы, тем более что выводы, сделанные ими, известны. Важнее всего, что каждый из них шел различными путями¹¹¹. Заканчиваю свои доказательства о существовании славянских поселений по Дону словами господина Срезневского, сказанными им по другому поводу: «Как-то нам все еще странно представлять, что это было, а тем не менее надобно, наконец, освоиться с подобным взглядом»¹¹².

Нам нет надобности долго останавливаться на вопросе о славянских поселениях в области рек Днепра, Буга, Днестра. «Дулеби же живяху по Бугу, где ныне волыняне, а улутичи, тиверцы сядяху по Бугу и по Днепру, и приседяху к Дунаеви; и бе множество их, сядяху бо по Бугу и по Днепру оли до моря»¹¹³. Таково известие Ипатьевской летописи, но другие списки помещают эти племена по реке Днестру¹¹⁴; однако все они единогласно говорят, что уличи и тиверцы занимали и приморскую область. Стремление точно определить местность, которую занимали эти славянские племена, вызвало несколько статей, посвященных этому вопросу или касающихся его отчасти. Мнения получились весьма разнообразные, но каждое из них, по нашему крайнему разумению, представляется гипотетичным¹¹⁵. Для нас нет особенной важности, обитало ли племя уличей в углу, образуемом Днепром, или они жили между западным берегом Азовского моря и Днепром, или в углу между Днестром и Дунаем. Важно только то обстоятельство, что местность в бассейне рек Днепра, Буга и Днестра до самого моря была занята оседлыми славянскими племенами. Все, занимавшиеся вопросом об этих племенах, согласны с этим. Также никто не отрицает, что уличи и тиверцы представляют потомков тех антов и славян, которых поселения мы видели в данной местности в VII в.¹¹⁶

Таким образом, это оседлое население продолжало существовать на своей территории до самого появления кочевников – печенегов в IX в. Наша летопись утверждает, что уличи и тиверцы удерживались тут даже в XI в. «Суть гради их и до сего дне», – говорит она. Это известие весьма важно, и нам придется говорить о нем несколько далее, в одной из следующих глав. Как византийцы рисуют нам антов многочисленным, сильным народом, так и наша летопись говорит об уличах и тиверцах, что «бе множество их». Нельзя сомневаться, что уличи и тиверцы во время зарождения государства у полян стояли по культуре выше других славянских русских племен. Большему культурному развитию их способствовало географическое положение занимаемой ими местности. Благодаря ей они рано должны были сделаться участниками в черноморской торговле: они не были только «приречными» жителями, а и приморскими, и влияние местности было для этих племен несколько не менее, как и на всякий другой народ. «Неповоротливые» готы сделались благодаря соседству с морем поворотливыми и

¹¹⁰ Rambeau. L'empire grec au dixieme siecle. P. 495.

¹¹¹ Ламанский. Славяне в Малой Азии, в Африке и Испании. СПб. 1869 г. Иловайский. Розыскание о начале Руси. Москва. 1882 г. и История России. Москва. 1880 г. Барсов. Очерки Рус. Истор. Географии. Варшава. 1873 г. Багалея. История Северной Земли до половины XIV столетия. Киев. 1882 года.

¹¹² Вестник Импер. Рус. Геогр. Общ. 1854 г. т. X, к. II. Срезневский. Следы древ. знакомства русских с средней Азией.

¹¹³ Ипат. лет. Стр. 7.

¹¹⁴ Софийский Временник. Москва. 1820 г. Ч. I, стр. 7. Никонов. лет. СПб. 1767 г. Ч. I, стр. 9. Воскр. лет. (П.С.Р.Л. СПб. 1856 г. Т. VII, стр. 265). Лавр. лет. СПб. 1872 г. Стр. 12.

¹¹⁵ Брун. Черноморские готы. (З. А.Н. 1874 г. т. 24, кн. I). Надеждин. О местонахождении др. города Пересечня. (З. Одес. Об. Ист. и Др. 1844 г. т. I). Ламбин. Славяне на северном Черноморье, (Ж.М.Н.П. 1877 г. №№ 5 и 6). Брун. Черноморье, ч. I, стр. 101, 168. Затем этого вопроса касались Карамзин, Соловьев, Иловайский, Голубинский.

¹¹⁶ Соловьев. История России. Москва. 1874 г. т. I, стр. 66. Срезневский. Чтения о др. Рус. Летописях, стр. 24. Лавровский. Исследование о летописи Якимовской (Уч. З. А.Н. 1856 г. кн. II, в. I). Брун в приведенных выше статьях. Шафарик. Славянские племена в нынешней России (Рус. Ист. Сборник. 1837 г. к. I).

громили своими морскими набегами области Византийской империи. Адриатические славяне также являются искусными моряками. Мы не имеем никакого права отрицать силу этого влияния на уличей и тиверцев. Припомним, что лодки для морских походов, по словам Константина Багрянородного, строили славяне, подчиненные Киеву¹¹⁷

¹¹⁷ Corpus Script, Inst. byzant. Const. Porphyrog. Bonnac. MDCCCXL. v. III, p. 75.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.